

The Far Eastern Frontier of the 1990s: From “Fortress Territory” to New Forms of Regional Development

Angelina S. Vashchuk¹ & Nikolay S. Vorontsov²

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the RAS. Vladivostok, Russia

Received: 22 July 2022 | Revised: 19 October 2022 | Accepted: 26 October 2022

Abstract

The article analyzes the process of changing the content of the frontier over time, under the influence of radical liberal reforms. The development of the borderlands in dynamics is shown, taking into account the foreign policy factor. The vector of changes is revealed within the framework of the economic component and the mission of the Far East in modern national history and in the history of the development of Asia-Pacific Region (APR). A complex of political factors in the transformation of the frontier is revealed. It was concluded that the main feature of this process was various forms of reducing Russia's military presence in the region, partial demilitarization and the destruction of the military-industrial complex in the 1990s, and the acquisition of new characteristics by the Far Eastern borderlands. The authors come to the conclusion about the dominant role of the political factor in the transformation of the character of the Far Eastern frontier. Conversion and market reforms led to a rapid degradation of the material and social infrastructure of the frontier territories, where in the 1990s the military-industrial complex enterprises were city-forming. The ways of adapting the region to market relations turned the border area into a kind of trading factory; various flows of labor and different forms of organization of enterprises were involved. The first attempts to organize Free Economic Zones and joint ventures, as well as to implement the initial stage of the project of international transport corridors, contributed to the genesis of new features of the Far Eastern frontier.

Keywords

Frontier; Asia-Pacific Region; Russian Far East; Conversion; Border Areas; Demarcation; Demilitarization; Armed Forces; Migration; Socio-Economic Crisis

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: va_lina@mail.ru
2 Email: nsv91@yandex.ru

Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона

Ващук Ангелина Сергеевна¹, Воронцов Николай Степанович²

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, Россия

Рукопись получена: 22 июля 2022 | Пересмотрена: 19 октября 2022 | Принята: 26 октября 2022

Аннотация

В статье анализируется процесс смены содержания дальневосточного фронта под влиянием радикально-либеральных реформ; в динамике показано развитие приграничья с учетом внешнеполитического фактора; вектор изменений раскрывается в рамках хозяйственно-экономической составляющей и миссии Дальнего Востока в современной отечественной истории и в истории развития Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Установлен комплекс политических факторов в трансформации фронта; сделан вывод о том, что главной чертой данного процесса стали разные формы сокращения военного присутствия России в регионе, частичная демилитаризация и разрушение военно-промышленного комплекса в 1990-е гг., а также последующее приобретение дальневосточным пограничьем новых характеристик. Авторы приходят к выводу о доминирующей роли политического фактора в трансформации характера дальневосточного фронта. Конверсия и рыночные реформы привели к быстрой деградации материальной и социальной инфраструктуры фронтальных территорий, где в 1990-е гг. предприятия ВПК были градообразующими. Способы адаптации региона к рыночным отношениям превращали приграничье в разновидность торговой фактории; были задействованы различные потоки рабочей силы и разные формы организации предприятий. Первые попытки использовать свободные экономические зоны и совместные предприятия, а также реализовать начальный этап проекта международных транспортных коридоров способствовали генезису новых признаков дальневосточного фронта.

Ключевые слова

фронтир; Азиатско-Тихоокеанский регион; Дальний Восток России; конверсия; приграничные территории; демаркация; демилитаризация; вооружённые силы; миграция; социально-экономический кризис

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: va_lina@mail.ru

2 Email: nsv91@yandex.ru

Введение

Понятие «российский Дальний Восток», учитывая временное пространство, сложное территориальное образование, не было статично: менялись его административные границы и управление. Еще более неоднозначным по своему содержанию является понятие «дальневосточный фронтир». Мы не будем останавливаться на истории инкорпорации данного термина в отечественную историческую науку, трактовках содержания этого концепта, так как об этом уже много написано в трудах российских исследователей (Бостан & Кузнецов, 2018; Крупенкин, 2018; Агеев, 2005), лишь обозначим главные признаки, которые учитываются в статье.

Под «фронтиром» понимается периферийная территория, подавляющая часть которой является пограничной. Важнейшей характеристикой дальневосточного фронта на протяжении XIX–XX вв. являлась его специфическая роль в российском и советском цивилизационном комплексе: прежде всего – быть территорией, обеспечивавшей военную безопасность государства, и предоставлять стране природные ресурсы. В конце XX – начале XXI в. регион был и остается не только территорией контактов разных народов и культур, но и площадкой, где «встречаются» разные хозяйственные и социальные системы.

Дальневосточный регион примыкает к государственной границе на протяжении более 23 тыс. км и граничит с ведущими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Свыше 60% муниципальных образований являются приграничными, на территории которых проживает 2239,4 тыс. чел., или 36% численности населения соответствующих дальневосточных субъектов Российской Федерации. В целом в зону фронта входит около 80% населения Федерального округа, 1329 населенных пунктов, в том числе 17 городов, 45 поселков городского типа и 1144 сельских поселения. На дальневосточных приграничных территориях расположено 43 пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации, в том числе 29 из них размещено на российско-китайской, а 13 на российско-монгольской государственной границе; есть также один железнодорожный пункт пропуска на российско-северокорейской государственной границе (Сидоров, 2014).

В региональной истории военный фактор оказывал определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы на территории, что признается многими исследователями, в том числе и зарубежными (Ващук, 2015). В 1990-е гг. XX в. трансформация дальневосточного фронта происходит под влиянием радикально-либеральных реформ. Важно подчеркнуть, что включение социально-экономической составляющей в содержательную трактовку понятия «фронтир» заставляет нас дополнить методологию изучения заявленной проблемы элементами исторической регионалистики, а также теории глобализации. Последняя позиция отражается

во внедрении западных идей в управление территорией (в частности, теории пространственной экономики), направленных на развитие Дальнего Востока (Вашук, 2019).

Российский Дальний Восток периода XX в. (до 1990-х гг.) характеризуется как территория-крепость (Каракин, 2014). Предшественники уже воссоздали историю Тихоокеанского флота, специфику создания укрепрайонов в приграничье в XX в., представлена также история военной авиации, раскрыты этапы становления и развития военной инфраструктуры в регионе, в том числе и меры по укреплению пограничных застав. Частично проанализировано состояние ВПК в 1990-е гг. на Дальнем Востоке. Большой вклад в историю ВПК внесли В.В. Дятлов (Дятлов, 2006), К.Ю. Колесниченко (Колесниченко, 2012). Е.Н. Чернолуцкая, изучив зарубежные публикации, пришла к выводу, что исследователи из других стран анализу военной сферы на Дальнем Востоке уделяли довольно пристальное внимание (Чернолуцкая, 2018). Состояние военной сферы чаще всего изучалось с точки зрения её потенциала и национальной безопасности, что вполне закономерно для такой проблематики. Новизна постановки проблемы заключается в анализе процесса смены характера и содержания дальневосточного фронта под влиянием региональной политики и радикально-либеральных реформ в этом процессе с учетом внешнеполитического фактора. Ведется поиск ответа на вопрос, что пришло на смену сложившемуся на протяжении XX в. содержания дальневосточного фронта.

Политические импульсы смены статуса «территории-крепости»

Еще в годы «перестройки» М.С. Горбачёвым были предприняты крупные внешнеполитические инициативы в Европе, объединённые в научном и политическом дискурсе понятием «новое мышление». В литературе признается, что многие инициативы советской стороны часто сопровождались уступками США и западным ее партнерам. Такая внешнеполитическая позиция СССР ускорила наступление новой мировой ситуации: произошло снижение военно-политического противостояния Востока и Запада, социализма и капитализма (Дятлов, 2006, с.21).

Практически одновременно М.С. Горбачёв предпринял ряд шагов для улучшения отношений с Китайской Народной Республикой (далее КНР). Исходным рубежом новой политики Советского Союза в отношении КНР стала его речь во Владивостоке в июле 1986 г., положения которой были в дальнейшем дополнены в его выступлении в Красноярске в сентябре 1988 г. В этих речах отчетливо просматривались следующие инициативы: свертывание военного присутствия в Восточной Азии посредством вывода советских войск из Монголии и сокращения численности сухопутных и морских сил в

восточных районах СССР; улучшение советско-китайских отношений; нормализация отношений с Японией; установление дипломатических отношений с Южной Кореей в контексте оздоровления обстановки на Корейском полуострове. Следовательно, советское руководство намеревалось урегулировать региональные конфликты и улучшить двусторонние отношения со всеми странами региона, сократить до минимума или даже полностью свернуть военное присутствие за рубежом и радикально улучшить экономическую ситуацию на советском Дальнем Востоке, а в перспективе также повысить уровень жизни дальневосточников и усилить демографический потенциал. Однако в годы перестройки у правительства уже не было ни материальных, ни организационно-управленческих ресурсов, необходимых для развития территории и улучшения условий жизни дальневосточников.

Руководство СССР заявило об отказе от увеличения в азиатской части страны числа ядерных ударных средств наземного базирования и самолетов-носителей ядерного оружия. Отказ от идеи распространения своего контроля на окружающие территории нашел практическое воплощение: из Монголии был полностью выведен советский воинский контингент. Под влиянием СССР к сентябрю 1989 г. Вьетнам вывел свои войска из Камбоджи. Тем самым были устранены препятствия для нормализации советско-китайских отношений с учетом условий, которые исходили со стороны КНР. Советско-китайское соглашение от 24 апреля 1990 г. о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области положило начало пересмотру взаимной военной политики и военно-техническому сотрудничеству (Филонов, 1999, с. 36).

Поиск решения внешнеполитических и внутренних задач применительно к Дальнему Востоку продолжался и после разрушения СССР, с приходом к власти либерального правительства и поддерживающего его Президента РФ Б.Н. Ельцина. Новая власть не только унаследовала внешнеполитическую линию М.С. Горбачёва, подтвержденную в ходе официального визита Президента России в Пекин в 1992 г., но и пошла на более радикальные меры. В совместной российско-китайской декларации 1992 г. указывалось, что Россия и Китай берут на себя обязательство решать все спорные вопросы исключительно мирными средствами, не применять силу и не прибегать к угрозе силой. Стороны обязались не участвовать в каких-либо союзах, направленных против другой стороны. Началась подготовка межправительственного соглашения о сокращении Вооружённых сил в приграничном районе до минимального уровня, необходимого для обороны (Казанин, 2008, с. 386).

Важным шагом вперед в деле военного сотрудничества стало заключение в 1996 г. многостороннего соглашения Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и государствами Средней Азии об укреплении доверия в военной области в районе границы. Согласно положениям этого документа,

стороны обязались не использовать для нападения друг на друга вооружённые силы, не вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другим сторонам и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы. Важным компонентом соглашения, имевшим позитивные последствия, стал принцип обмена информацией относительно численности личного состава, количества войск и военной техники в 100-километровой приграничной зоне (2008, с. 393).

Нормализация межгосударственных отношений с КНР выдвинула на передний план новые задачи в деятельности органов власти и управления, а также пограничных структур. В соответствии с постановлением правительства России от 5 мая 1993 г. были организованы работы по демаркации государственной границы с КНР на её восточном участке, с привлечением представителей Дальневосточного военного округа. Повышенное внимание уделялось проведению демаркационных работ на участках пограничных рек Амура и Уссури, а также расширению контактов по линии контрольно-пропускных пунктов через границу. Работа по демаркации границы предусматривала гидрографические изыскания: определение линии середины главного фарватера рек, распределение островов и наземные работы по установке пограничных знаков. В течение 1994 г. было определено 450 пограничных знаков (то есть 91% от общего объема работ), прорублено 166 км. пограничных просек (32% от общего объема работ), ликвидировано 28 сооружений на линии границы (33% от общего объема работ) (Дятлов, 2006, с. 25).

В июле 1994 г. было заключено российско-китайское межправительственное Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности, подписанное главами оборонных ведомств РФ и КНР, П.С. Грачевым и Чи Хаотянем (Лу Сяоин, 2017, с. 114). По результатам визита Председателя КНР в Москву в 1994 г. большая часть границы между нашими странами получила юридическое оформление. Была достигнута договоренность о её проведении по главному фарватеру пограничных рек. 9 декабря 1999 г. в присутствии Б.Н. Ельцина и Цзян Цзэминя министры иностранных дел двух государств И.С. Иванов и Тан Цзясюнь подписали межправительственные Протоколы, содержащие описание линии российско-китайской государственной границы на её Восточном и Западном участках.

Одним из важных последствий российско-китайского сближения для дальневосточного фронта в 1990-е гг. стала трансформация пограничного пространства Российской Федерации, включающего саму государственную границу, приграничную территорию, воздушное пространство и пункты пропуска через границу, в том числе транспортные переходы. Курс на экономическое сотрудничество с соседними странами АТР обусловил большую по сравнению с предыдущей эпохой открытость государственной границы для международной торговли. В то же время сохранилась необходимость охраны границы как важного элемента национальной безопасности, атрибута террито-

риальной целостности государства, обеспечивающего суверенитет и территориальную целостность страны (Филонов, 1999, с. 36).

Частичное решение в 1990-е гг. территориально-пограничного вопроса с Китаем и переход к политике добрососедства позволили избавить границу от постоянной угрозы вооружённых провокаций со стороны КНР и окончательно положили конец тридцатилетнему периоду тревожного ожидания военного столкновения на дальневосточных рубежах. Благодаря установлению конструктивного сотрудничества с пограничными структурами КНР появилась возможность предотвращать нежелательные происшествия и инциденты, а также вдвое сократить количество нарушений границы к середине 1990-х гг. (1999, с. 36–37).

Вместе с тем, несмотря на то, что соглашения между Россией и Китаем в целом позитивно повлияли на становление добрососедских отношений, в России новые договоренности воспринимались как начало ревизии территориально-пограничных договоров прошлых лет. Поскольку демаркация границы сопровождалась её корректировкой, уже на начальном этапе демаркационных работ в южных районах Приморского края стало очевидно, что фактически речь идёт об уступках спорных участков Китаю. Также эти опасения подтвердились при демаркации границы и определения судьбы спорных территорий в Хабаровском крае.

Хотя окончательное урегулирование проблемы принадлежности двух крупнейших спорных островов (Большого Уссурийского и острова Тарабарова) было отложено до середины 2000-х гг., в ходе более мелких уступок возникли дискуссии о необходимости пересмотра российско-китайских договорённостей и правовой оценке заключённых соглашений (Ткаченко, 1997, с. 207).

Таким образом, во внешней политике на Дальнем Востоке был урегулирован вопрос о демаркации границы с КНР (Ларин, 2006, с. 147–159). Дальнейшие официальные контакты, в частности, визит в 1995 г. Министра обороны РФ П.С. Грачёва в Китай и Южную Корею, также стали импульсами, повлиявшими на изменения военной составляющей дальневосточного фронта. В ходе переговоров российская делегация предложила создать систему коллективной безопасности в АТР с участием шести государств: России, Китая, США, Японии, Северной и Южной Кореи. Соглашение о демилитаризации приграничной зоны с КНР подписать не удалось, поскольку требование китайской стороны о сокращении на 50 % количества вооружений и военной техники в стокилометровой полосе для России было неприемлемо. Российское правительство и военное командование понимали потенциальные риски.

Хотя рассмотренные основные внешнеполитические инициативы России в 1990-е гг. не были сбалансированы с точки зрения интересов нашей страны, тем не менее, они стали катализатором трансформации исторического характера дальневосточного фронта. В целом, в 1990-е гг. новой характеристикой фронта стала трансформация представлений о границе и приграничных

территориях. Теперь они в меньшей степени воспринимались как разделительный барьер, став зоной активных контактов и сотрудничества. Постепенно стал разрушаться имидж Дальнего Востока как преимущественно территории-крепости, начался реальный процесс разрушения ВПК в регионе.

Региональная политика как фактор трансформации Дальневосточного фронта в 1990-е годы

В 1990-е гг. в дальневосточном приграничье протекало одновременно несколько процессов, которые создавали многослойность дальневосточного фронта. Приграничные территории захлестнула волна неконтролируемой миграции из КНР (Ващук и др., 2014, с. 99–112), формировался транснациональный криминальный бизнес (Номоконов, 2001, с.139–219; 263–313).

Это проходило на фоне снижения роли военной составляющей в общем комплексе фронтальных характеристик. Данный вектор проявился в реорганизации войск, их сокращении, разрушении военной инфраструктуры в дальневосточном регионе. Попытки реформаторов осуществить программы конверсии, акционирование машиностроительных заводов, относящихся к оборонной промышленности, а затем их банкротство стали вызовом для фронтального комплекса.

Главным доминирующим фактором оказалась крайне противоречивая и неустойчивая дальневосточная политика Центра после разрушения Советского Союза.

С одной стороны, прослеживалось явное стремление российских реформаторов изменить подход к развитию региона, что проявилось в ряде попыток разработать и реализовать федеральные целевые программы развития Дальнего Востока и его отдельных приграничных районов. В условиях глобализации попытки либералов имели поддержку и со стороны российских интеллектуалов. Отечественные ученые, экономисты и географы в постсоветский период активно поддерживали теорию пространственной экономики (Гранберг, 2009, с. 20), которая стала теоретическим фундаментом для внедрения программно-целевого метода управления территориями (Ващук, 2019, сс. 10-12).

Пик интереса к теоретическим разработкам пространственной экономики по времени совпадает со сменой политического режима в стране и с началом формирования нового поколения российской бюрократии, для которой подготовка разнообразных программ, написание концепций развития восточных районов России, является одной из форм ее существования. Конституционная реформа привела к установлению новой формы государственной власти, разделению полномочий и компетенций между Центром и субъектами РФ. Правительство реформаторов провозгласило переход к программно-целевому принципу. Но на практике эта идея также настойчиво продвигалась «снизу»

управленцами регионального звена. В отличие от представителей федерального центра, они использовали её не как регулятор развития Дальнего Востока, а как источник дополнительного бюджетного финансирования для преодоления критических состояний, что достаточно ярко прослеживалось на Сахалине, Курилах (Чернолуцкая, 2020b, с. 116–117) и Северо-Востоке (Ващук, 2020, с. 44).

С другой стороны, советники Президента Б.Н. Ельцина с либеральным мировоззрением, готовившие ему документы и доклады, относились к региону как «бремени». Ярким свидетельством является позиция, отражённая в Президентском послании Б.Н. Ельцина Федеральному собранию 1999 г., в котором Сибири и Дальнему Востоку отведена роль отягчающего фактора в процессе перехода к рыночной экономике (Ельцин, 1999).

Относительному успеху «проталкивания» целевых программ по Дальнему Востоку, то есть приобретению нового имиджа дальневосточного фронта, в значительной степени способствовал не только геополитический фактор, но и возникшая у Б.Н. Ельцина острая необходимость наладить отношения с региональными руководителями.

В условиях ослабления позиций Центра, усиления региональных элит и обострения социальной напряженности в 1996 г. была принята Президентская целевая программа развития Сибири и Дальнего Востока. Анализ её воздействия на изменения в приграничье показывает, что эту программу трудно назвать реальным механизмом поддержки региона и замещения военно-промышленного характера территории новой моделью. Это был инструмент заигрывания с элитой и населением региона накануне вторых президентских выборов в России. Как справедливо сказал член Совета федерации В.А. Штыров:

«Правительство Ельцина утвердило программу, которую и не собирались выполнять. Это привело к тому, что к началу нулевых годов на Дальнем Востоке сложилась угрожающая ситуация. Вот почему после её анализа президент России в 2006 г. собрал Совет безопасности, на котором им было сказано, что если мы не предпримем мер по закреплению там людей, то мы можем потерять Дальний Восток» (Штыров, 2020).

Программа оказалась провальной и показала наихудший результат среди всех проектов развития Дальнего Востока в XX в. Военно-промышленный комплекс в регионе разрушался еще более активно, чем в конце перестройки, а результаты программно-целевого планирования обернулись для дальневосточного фронта проявлением деструктивных черт. Заметим, что и позднесоветская программа развития Дальнего Востока, принятая в 1987 г., фактически была провалена (Ващук, Савченко, и др., 2014, с. 106).

Попытка придать дальневосточному фронтиру новый облик подкреплялась господствовавшей в умах политической и либеральной научной элиты того времени идеей «созидательного разрушения» (Савченко, 2018, с. 105).

Её суть можно выразить формулой: чем сильнее разрушится прежняя экономическая структура, выступающая в роли сковывающих цепей, тем легче выстроится рыночная экономика; и чем больше тот или иной регион будет ориентироваться на свои собственные силы, тем значительнее будет его выигрыш в дальнейшем. Наиболее ярко позицию разрушения советской экономической системы отражали политики, проводившие курс на приватизацию. Среди них, помимо А.Б. Чубайса, также выделялись руководитель рабочей группы при председателе Правительства России и будущий министр экономики Е.Г. Ясин, заместитель министра финансов С.В. Алексашенко, а также авторы экспертного доклада, подготовленного в ноябре 1993 г. влиятельной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей», который был рекомендован к изучению региональным администрациям. В докладе Дальний Восток рассматривался как безнадёжная территория с сильными сепаратистскими настроениями и в перспективе «...как зона освоения для соседних государств с незначительными элементами государственного управления на местном уровне» (Савченко, 2018, с. 106).

В реальности решение проблемы сепаратизма на Дальнем Востоке для федерального Центра не было приоритетной задачей вследствие крайне ограниченных масштабов сепаратистских тенденций в регионе, хотя отдельные проявления стремления к суверенитету могли дать повод для беспокойства. С конца 1980-х гг. звучали предложения по уточнению статуса Дальнего Востока в составе СССР и России, возникли инициативные группы по воссозданию Дальневосточной республики. Подобные группы существовали во многих регионах Дальнего Востока, однако не имели поддержки властей и сами располагали лишь незначительной поддержкой и политическим влиянием, недостаточным для осуществления своих идей.

Если возможность получения статуса республики (или близкого к республиканскому) и обсуждалась в областных и краевых органах власти, то в основном не с целью обретения независимости, а вследствие стремления к экономическому суверенитету и бюджетно-финансовой автономии. Так, летом 1993 г. Приморский краевой Совет народных депутатов обсуждал вопрос о приобретении регионом республиканского статуса, однако отложил окончательное решение вопроса, а затем и вовсе отказался от этой инициативы (Ващук, 1997, с. 105–106). Как показали дальнейшие события, «суверенизация» Приморья была остановлена на самом раннем этапе и не представляла угрозы для территориальной целостности страны.

Что же касается работы единых для Дальнего Востока координационных органов, то до создания в 2000 г. Дальневосточного Федерального округа подобных структур, способных управлять политическими процессами и социально-экономической деятельностью, не существовало. Несмотря на попытку консолидации усилий дальневосточных субъектов России, воплотившуюся

в проект Дальневосточной ассоциации, тесная интеграция регионов друг с другом в 1990-е гг. не состоялась (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 50).

Демилитаризация Дальневосточного фронта

В условиях нарастающего кризиса правительство РФ, оценивая внешне-политическую обстановку в АТР как относительно стабильную, сэкономило государственные средства на поддержку ВПК. При этом пропагандировался тезис о необходимости снижения военной составляющей в регионе и возможностью компенсировать позиции России за счет наращивания экономического влияния в АТР. И если наращивание экономического влияния на первых порах натолкнулось на значительные трудности и потребовало длительного времени, то снижение военного присутствия в регионе шло ускоренными темпами.

Как отмечает генерал-лейтенант В.В. Дятлов, масштабная реорганизация и сокращение войск на Дальнем Востоке начались после владивостокских мирных инициатив М.С. Горбачёва 1986 г. (Дятлов, 2006, с. 65). Частичная демилитаризация Дальнего Востока была обусловлена изменением внешнеполитической ситуации, в особенности преодолением советско-китайского раскола и улучшением отношений (как оказалось, временным) с США и их союзниками в Азиатско-тихоокеанском регионе. В связи с этим Центр посчитал, что отпадает нужда держать в пограничных районах почти полумиллионную группировку Вооружённых сил, требующую год от года значительных затрат материальных ресурсов государства.

С другой стороны, даже в предшествующие десятилетия, на пике военной угрозы со стороны соседней КНР, снабжение и обеспечение дальневосточной группировки советских войск и флота необходимой инфраструктурой зачастую не поспевало за темпами наращивания Вооружённых сил. Всё возрастающая концентрация соединений сухопутных войск, авиации и флота в приграничных районах Дальнего Востока и Забайкалья требовала обеспечить им надёжный тыл в виде соответствующей инфраструктуры, путей сообщения, ремонтной и продовольственной базы. Также была отчетливо видна необходимость в расширении сети военных учебных заведений.

Южные районы Дальнего Востока в последние годы существования СССР оставались территорией с высокой концентрацией войск (Костров & Скрипучий, 2014, с. 258). К началу 1990-х гг. все рода войск, включая военно-воздушные силы и военно-морской флот, находились в подчинении Главного командования войск Дальнего Востока. Данная структура, созданная еще в 1979 г. в связи с обострением отношений с КНР и возросшей угрозой прямого военного столкновения (Феськов и др., 2013, с. 89), отвечала за руководство Вооружёнными силами на всём стратегическом направлении и объединяла под своим началом Дальневосточный и Забайкальский военные округа, а также Тихоокеанский флот ВМФ СССР (Феськов и др., 2013, с. 41).

На 1990 г. Дальневосточный военный округ располагал 370 тыс. человек личного состава и почти 15 тыс. единиц бронетехники. Кроме того, в начале 1990-х гг. округ пополнился рядом частей и соединений, выводимых из стран бывшего Варшавского договора (2013, с. 585). Соседний Забайкальский военный округ, охватывавший значительную часть территории нынешнего Дальнего Востока, насчитывал в своём составе 260 тыс. человек и более 7 тыс. танков и бронемашин (2013, с. 569).

Необходимо отметить, что в предшествующие годы округ хоть и считался передовым, но, тем не менее, вследствие перенасыщенности войсками, испытывал значительные трудности с военной инфраструктурой и объектами жизнеобеспечения. Наилучшим образом были обустроены войска округа, расположенные на территории соседней Монголии. Что же касается остальных частей и соединений, то многие из них сталкивались с проблемами, вызванными недостатком и несовершенством казарменного фонда, перебоями с топливом и водоснабжением, а также слабой развитостью дорожной сети (Постников, 2004). В 1989 г. на территорию округа были выведены советские воинские соединения из Монголии, тем самым утратившие удобные пункты дислокации. К ним также добавились некоторые воинские части из Восточной Европы. К моменту распада СССР в округе уже прочно вошла в обиход практика расформирования частей и соединений, либо преобразования их в базы хранения военной техники с соответствующим сокращением личного состава (Феськов и др., 2013, с. 569).

Со стороны России были приняты меры по реорганизации органов военного управления. Уже летом 1992 г. произошло упразднение Главного командования войск Дальнего Востока, напоминавшего о грозной и тревожной эпохе советско-китайского раскола (2013, с. 91). Продолжилось сокращение личного состава и вооружений в войсках Забайкальского и Дальневосточного военных округов. В 1998 г. последовала ликвидация Забайкальского военного округа, утратившего к тому времени значительную часть своего прежнего боевого потенциала, и его раздел между Сибирским и Дальневосточным военными округами.

В отличие от приграничных военных округов, усиление которых в 1970-80-е гг. было оправдано сдерживанием угрозы со стороны соседнего Китая, развитие Тихоокеанского флота ВМФ СССР обуславливалось иными стратегическими задачами. Основным вероятным противником СССР в Тихом океане считались военно-морские силы блока НАТО, в первую очередь – ВМС Соединённых Штатов Америки. С середины 1980-х гг. флоту ставилась задача в случае вооружённого конфликта уничтожить наземные объекты и ударные группировки военно-морских сил противника в ответно-встречных ударах (Половинкин и др., 2013, с. 458).

Тихоокеанский флот к концу 1980-х гг. являлся одним из крупнейших стратегических объединений ВМФ СССР как по количеству кораблей и судов

обеспечения, так и по масштабу возлагаемых на него задач. Личный состав Тихоокеанского флота к началу 1990-х гг. достиг 140 тыс. человек (Колесниченко, 2012, с. 121). Корабельный состав Тихоокеанского флота также рос быстрыми темпами, пополняясь новейшими кораблями всех типов, включая тяжёлые авианесущие крейсера и атомные подводные лодки.

Поскольку значительная часть сил флота находилась в пунктах базирования на территории Приморского края, именно здесь, на Юге Дальнего Востока, сложилась система закрытых поселков и военных городков, существование которых было полностью завязано на обеспечение нужд военно-промышленного комплекса. Базирование значительной группировки осуществлялась в заливах и бухтах Владивостока. Здесь располагался штаб Тихоокеанского флота и военные учебные заведения, готовившие личный состав. Ещё одним местом размещения сил ТОФ стал залив Стрелок, обеспечивающий базирование надводных кораблей и подводных лодок. В Приморье также существовала сеть аэродромов морской авиации. С 1960 г. и до распада СССР для Тихоокеанского флота было введено в строй 75 военных городков (Колесниченко, 2012, с. 120).

Протяжённая береговая полоса также позволила создать систему базирования и тылового обеспечения на территории Хабаровского края, в том числе в заливе Советская Гавань и в Комсомольске-на-Амуре, на Сахалине и Курильских островах, в бухте Нагаево Магаданской области. К 1980-м гг. развитая инфраструктура для базирования подводных сил, способных действовать в отдаленных частях Тихого океана, была успешно создана на Камчатке. Кроме того, корабли флота, несущие боевую службу в Тихом и Индийском океанах, имели в своём распоряжении пункт материально-технического обеспечения во вьетнамском потру Камрань.

Среди объектов военно-промышленного комплекса ведущую роль играли судостроительные и судоремонтные предприятия, работавшие на нужды Тихоокеанского флота. К концу 1980-гг. работало три судоремонтного завода в Приморье, еще два на Камчатке и один в Хабаровском крае, а также три десятка судоремонтных мастерских различного профиля (Семёнов, 2020).

К моменту распада СССР обозначались проблемы, связанные с количественным ростом корабельного состава и береговых частей. В ряде случаев инфраструктура не поспевала за растущими нуждами флота. Так, от отсутствия надлежащей тыловой инфраструктуры и из-за необходимости базирования на открытых рейдах страдали крупнейшие корабли Тихоокеанского флота – тяжёлые авианесущие крейсера «Минск» и «Новороссийск». Даже во время нахождения на базе они были вынуждены поддерживать в рабочем состоянии котлы и генераторы, расходуя их ресурсы для обеспечения жизнедеятельности экипажа, что отрицательно сказалось на сроке службы кораблей (Заблоцкий, 2004, с. 26).

Судоремонтные мощности Дальзавода лишь отчасти могли поддерживать эти корабли в надлежащем состоянии, а для капитального ремонта «Минска» в 1991 г. был запланирован его переход в Николаев на Черноморский судостроительный завод, не состоявшийся из-за распада СССР. В результате в 1992-1993 гг. оба корабля были разоружены, поставлены на консервацию в Советской Гавани, а вскоре окончательно списаны и проданы в Южную Корею. «Минск» в конечном итоге избежал утилизации, так как был приобретен частной фирмой из Китая, превратившей его в музейно-развлекательный комплекс (2004, с. 27).

С 1990-х гг. бюджет России уже не мог обеспечить должного финансирования флота для поддержания его на прежнем уровне боеспособности. Практически полностью прекратилось строительство новых крупных кораблей. Медленными темпами велась достройка лишь тех из них, что были заложены ещё в советское время. Подобная ситуация катастрофически сказалась на состоянии отечественного военного кораблестроения. Интенсивное сокращение корабельного и личного состава флота усугубилось также прекращением с 1994 г. строительства новых средств технического обеспечения (Половинкин и др., 2013, с. 492).

Процесс разоружения, консервации и утилизации, набиравший обороты в 1990-е гг., коснулся кораблей всех типов. Но особенно заметной и чувствительной стала убыль в крупных надводных кораблях и атомных подводных лодках. Первое значительное сокращение пришлось на конец 1980-х гг., но тогда оно коснулось преимущественно устаревший кораблей. Были выведены из состава ТОФ артиллерийские крейсера (Бережной, 1995, с. 4) и эсминцы (1995, с. 27) 1950-х гг. постройки. В 1990-е гг. масштабы и темпы разоружения возросли в разы, не пощадив на этот раз даже наиболее «статусные», но чрезвычайно дорогие в эксплуатации корабли. Помимо двух тяжёлых авианесущих крейсеров, боевой состав Тихоокеанского флота в 1990-е гг. покинул единственный числившийся в его составе тяжёлый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев» (бывший «Фрунзе») (Половинкин и др., 2017, с. 570) и значительное количество больших противолодочных кораблей (Бережной, 1995, с. 15). Часть крупных надводных кораблей были отправлены на капитальный ремонт, затянувшийся на долгие годы (1995, с. 32). Не менее стремительно шло сокращение подводных сил. К 2005 г. из состава Тихоокеанского флота было выведено 77 атомных подводных лодок, многие из которых затем долгое время ожидали своей очереди на утилизацию (Половинкин & Фомичев, 2012, с. 93).

Губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко, обеспокоенный данной ситуацией, в том числе отсутствием финансирования судоремонтных работ на предприятиях края, писал первому заместителю Председателя Правительства РФ А.А. Большакову:

«К 2000 году при существующих объемах финансирования флот будет иметь в своём составе всего 11(!) кораблей, способных выполнять поставленные задачи» (ГАПК. Ф. П-1694. Оп. 1 Д. 586. Л. 26).

Прошедшая реорганизация Вооружённых сил в восточных районах страны показала, что она была сориентирована на сдерживание скорее американско-японской угрозы. Россия заявила об отказе от увеличения в азиатской части страны числа ядерных ударных средств наземного базирования и самолетов-носителей ядерного оружия.

Как подчёркивает Л.Н. Гарусова, сокращение военного присутствия России на Тихом океане происходило в условиях сохранения военно-политического доминирования США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что американские вооружённые силы подверглись реорганизации и частичному сокращению, тем не менее, к 1995 г. они сохранили крупную боеспособную группировку на Тихом океане, а также все основные пункты базирования в Южной Корее и Японии. Кроме того, сокращение вооружённых сил США было компенсировано привлечением союзных сил Японии, Южной Кореи и Филиппин для поддержания военного превосходства и отстаивания американских интересов (Гарусова, 2001, с. 72).

Расформирование российских воинских частей на Дальнем Востоке в большинстве случаев сопровождалось разрушением всей инфраструктуры военных объектов и военных городков. Показательным примером может служить судьба военных городков Приморского края – Лётно-Хвалынского, Корфовки, Хороля, Барабаша, Ракушки (Ващук, 1993). Часть техники была выведена из боевого состава и фактически брошена на произвол судьбы, другая была утилизирована по контрактам рядом коммерческих фирм и по цене металлолома продана за рубеж, здания были выставлены на аукцион. Покинутые военные городки превращались в руины, усиливая разрушающийся облик дальневосточного приграничья.

Оборонные предприятия включились в новую для них форму деятельности. Тихоокеанский флот в 1994-1996 гг. стал использовать рыночные инструменты. Так, через Центральное управление материальных ресурсов и внешнеэкономических связей Министерства обороны РФ, военные управленцы реализовали 94 списанных корабля водоизмещением 211 тыс. т. Эти корабли продавались иностранным фирмам, которые разделяли их на металлолом. В 1996 г. при поддержке В.С. Черномырдина Правительство РФ устранило таможенные барьеры, препятствовавшие разделке списываемых кораблей на оборонных предприятиях Приморского края и продаже их за рубеж. В крае был создан Дальневосточный региональный центр комплексной утилизации (ГАПК. Ф. П-1694. Оп. 1. Д. 586. Л. 27). В приграничье появились и частные фирмы, которые стали на этом хорошо зарабатывать.

Утилизация зачастую шла примитивными способами и без учета потенциала того или объекта. Расформирование авиачастей в большинстве случаев

сопровождалось разрушением всей инфраструктуры аэродромов и авиабаз. В рамках реформирования вооружённых сил в конце 1990-х годов ВВС и ПВО были объединены, при этом некогда мощная группировка сократилась по численности авиаполков в три раза, а по количеству самолётов почти в шесть раз. На территории Приморского края осталось два истребительных и два штурмовых полка, разведывательный и вертолётный полки, а также один смешанный авиаполк и несколько авиаэскадрилий, имевших на вооружении около 100 самолётов и вертолётов (Колесниченко, 2013, с. 103).

Сокращение состава и численности войск и флота сопровождалось резким ухудшением материального обеспечения войск и прекращением военно-оборонного строительства. Еще 22 января 1993 г. Президентом России Б.Н. Ельциным был подписан Закон РФ «О статусе военнослужащих», призванный смягчить последствия сокращения вооружённых сил и обеспечить гарантии действующим и увольняемым в запас военнослужащим. Однако он, как и большинство нормативных документов из так называемого «пакета военных законов», в условиях внедрения рыночных отношений не выполнялся.

Либеральная политическая элита способствовала ослаблению миссии Дальнего Востока как территории – форпоста России, о чём свидетельствует пример из сферы дипломатии. В 1990 г. между СССР и США в лице Э. Шеварднадзе и Дж. Бейкера было заключено Соглашение по разграничению морской акватории в Беринговом море (Ткаченко, 2008, с. 85). К США отошёл участок 200-мильной советской экономической зоны, чья площадь, по информации В.К. Зиланова, составила 7,7 тыс. кв. км. В СССР данная зона интенсивно использовалась для рыболовства, промысловые суда страны ежегодно вылавливали около 150 тыс. т рыбы ценных видов (Зиланов, 1997). Уступка данного морского района нанесла экономический ущерб интересам СССР и России и фактически на следующие 20 лет определила негативные последствия для трансграничной интеграции.

Кроме того, в 1990-е гг. на Северо-Восток, как на другие территории региона, стали приходить зарубежные компании, которые усиливали позиции иностранцев в приграничье. Самая восточная российская пограничная застава – на Чукотке – пережила реорганизацию и своими силами охраняла побережье длиной почти пять тысяч километров, имея всего два стареньких вертолёта МИ-8 с, несколько вездеходов и ни одного катера. «Хотя еще десятилетие назад побережье Берингова моря напоминало неприступный укрепленный район – гласит источник. – Но сейчас здесь нет ни одного подразделения ПВО. Все северо-восточное побережье Чукотки, а значит, и России полностью открыто для любого самолета-нарушителя». Исследованием на Чукотке в 1990-е гг. в основном занимались американские биологи и археологи. Даже природный парк-заповедник «Берингия» оказался под патронажем США (Мордванюк, 2000).

С начала 1990-х гг. в ряде случаев государственные и муниципальные органы стали воспринимать военных на своей территории как обузу, сдерживающую социально-экономическое развитие. Во Владивостоке, например, стремление к преодолению закрытого статуса города способствовало критике в адрес военных. Еще в 1990 г. Владивостокский городской Совет и исполком, обсуждая вопросы землепользования в черте города, разработали план поэтапного возвращения земель, занимаемых воинскими частями Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота в муниципальную собственность. По результатам проделанной работы предполагалось предъявить счёт структурам Министерства обороны за пользование землей. Кроме того, обилие военных организации, воинских частей, значительное отчуждение обширных территорий под нужды Министерства обороны и высокий удельный вес оборонного комплекса были признаны факторами, тормозящими развитие приморской столицы. (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 61).

Дискуссии между гражданскими властями и Министерством обороны также были вызваны спорами о судьбе военных аэродромов в Партизанском районе, один из которых («Николаевка» либо «Золотая Долина», впоследствии выбор был сделан в пользу второго варианта) краевые власти и администрация города Находки планировали включить в состав свободной экономической зоны и создать на его базе международный аэропорт. (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 31)

Внедрение рыночных отношений привело к тому, что некоторые ведомства по отношению к военным организациям стали вести себя крайне прагматично и даже жестко.

Например, дальневосточные энергетики отключали от центрального теплоснабжения не только штабы воинских частей и учреждения, но и казармы, где проживал личный состав. Министерство обороны уже в 1992 г. задолжало предприятиям Приморского края 700 млн. руб. (ГАХК. Ф. 2061. Оп. 1. Д. 197. Л. 4) «К осени 1996 г. в плане финансирования в округе сложилась катастрофическая обстановка. По состоянию на 1 сентября 1996 г. задолженность правительства по выплате денежного довольствия военнослужащим и заработной платы гражданскому персоналу ВС превышала 6,1 трлн. руб. Выделенные в августе ассигнования позволили обеспечить лишь 2,3 % потребности войск» (Дятлов, 2006, с. 83). Вследствие тяжелых условий службы, по состоянию на середину июня 1994 г. в округе около 2 тыс. офицеров не подписали контракт о прохождении военной службы. Немалое количество офицеров уходило по организационно-штатным мероприятиям, в связи с расформированием или реорганизацией соединений и частей. Министерство обороны в нарушение Постановления Правительства об оборонном заказе на 1996 г. самовольно уменьшило в договоре с заводом «Вымпел» государственный заказ в три раза (ГАХК. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 101. Л. 3).

Важнейшей характеристикой трансформации дальневосточного фронта стало разрушение предприятий военно-промышленного комплекса в условиях развития рыночной экономики и новой региональной политики Центра. В 1990 г. на Дальнем Востоке доля военно-промышленного комплекса составляла 9% от общего объема промышленного производства. Более 60% предприятий оборонного значения размещалось в Хабаровском крае, 35% в Приморском крае и 4% в Амурской области (Гудкова, 1999, с. 74).

В общем объеме машиностроения доля продукции предприятий ВПК составляла 71%, а в общем выпуске продукции оборонного значения Дальнего Востока – около 50%. Ведущее место в оборонном комплексе края занимало судостроение и авиационная промышленность, на долю которых приходилось 80% производимой продукции.

На предприятиях оборонного комплекса были сконцентрированы современные по тем временам технологии, мощный производственно-технический, кадровый потенциал. В Хабаровском крае на предприятиях ВПК непосредственно было занято более 20% от общей численности работающих в промышленности, а вместе с его обслуживанием – треть трудоспособного населения края.

Новые принципы хозяйствования, подкреплённые переменами во внешней и военной политике, подтолкнули руководство страны к идее конверсии, то есть переориентации оборонной промышленности на выпуск гражданской продукции и производство товаров, не связанных с военными нуждами. Несмотря на то, что идея конверсий активно обсуждалась ещё в годы перестройки, к моменту распада СССР она не была подкреплена нормативно-правовой базой, а механизмы осуществления конверсии так и получили апро-бации.

Федеральные власти России дважды, в 1992 и в 1998 гг., пытались закрыть эту брешь путём принятия законов о конверсии оборонной промышленности. Предполагалось поставить этого процесс под государственный контроль, взяв за основу наработки советского времени. Однако выполнение первой государственной программы конверсии, равно как и двух последующих (рассчитанных на 1993-1995 гг. и 1995-1997 гг.), потребовало значительных капиталовложений из федерального бюджета. Реальный же объем выделенных средств оказался катастрофически низким. В Приморском крае федеральное финансирование сумело покрыть менее 1% необходимых средств, а в отдельные годы деньги не поступали вовсе. В Хабаровском крае первоначально финансирование программ конверсии составляло 15% от необходимого объема средств, но в 1996-1997 гг. средства также перестали поступать. На предприятиях, подвергшихся конверсии, спад производства гражданской продукции шёл опережающими темпами по сравнению с выпуском продукции военного назначения. К 1997 г. конверсионные предприятия Приморского края сохра-

нили лишь 11,5% объема производства гражданской продукции и 14% военного госзаказа от уровня 1992 г (Гудкова, 1999, с. 75).

Как следует из справки «Основные направления деятельности предприятий ВПК Приморского края в 2000-2003 гг. (ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 1010. Л. 2-3), программы конверсии реализованы не были. Конверсия проходила в условиях огромной задолженности предприятиям Дальнего Востока по гособоронзаказу, что поставило их на грань банкротства.

В регионе было проведено акционирование машиностроительных заводов, производивших технику и оборудование для нужд армии. В Хабаровском крае приватизации избежало только Авиацционное объединение им. Ю.А. Гагарина (КнаАПОО). Ярким примером разрушительных последствия акционирования стал завод «Остон», производивший в последние годы советской власти 11 кораблей в год. В мае 1994 г. завод был преобразован в АООТ «Остон», в октябре 1996 г. АООТ преобразовано в ОАО «Остон-завод имени С.М. Кирова». После акционирования завод постепенно сокращал выпуск продукции и попал в процедуру банкротства. 10 ноября 2000 г. в отношении «должника ОАО «Остон – завод им Кирова» введено внешнее управление. Решением Арбитражного суда Хабаровского края от 6 декабря 2001 г. завод был признан банкротом. К началу 2010-х гг. первый цех, в котором собирались преимущественно рыболовные траулеры и десантные баржи, был заброшен, в 2013 г. он был разобран на металлолом (ГАХК. Ф. Р-1134. Оп. 6 Д.66. Л. 58-70, 60-62).

Таким образом, ослабление российского военного присутствия в 90-е гг. на Дальнем Востоке по сравнению с 60-80 гг. XX вело к определенной трансформации роли дальневосточных приграничных территорий в российском пространстве и в АТР. Многие руководители предприятий ВПК видели выход в производстве продукции на экспорт. В 1995 г. были проданы 5 самолетов СУ-27 Вьетнаму, в 1996 г. Китаю планировалось продать 16 самолетов этого типа. Как выразился В.М. Тевелевич: «Амурлитмаш, выпускавший мины, мы похоронили». Военное ведомство за три года заказало Комсомольску-на-Амуре всего 3 самолета, при этом Китай заказал заводу 15 самолетов, что составило 30% загрузки мощностей завода (ГАХК. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 362. Т. 1. Л. 6-10). Отношение местных руководителей и Центра к сохранению ВПК на Дальнем Востоке было различным. Региональные лидеры все-таки пытались сохранить многие предприятия.

Дальневосточный фронтир приобретает облик торговой фактории

Так называемая трудовая миграция из КНР стала одним из каналов проникновения в регион китайских потребительских товаров и создания большого числа китайских рынков (Ващук, Друзяка, и др., 2014, с. 125) и рынков,

возникающих на обломках советской распределительной системы, с использованием прежней советской торговой инфраструктуры.

С первой половины 1990-х гг. китайская миграция получила дополнительный импульс вследствие отмены визового режима между Россией и КНР. Занятость мигрантов в России отличалась разнообразием: часть из них была задействована в сельском хозяйстве, лесозаготовках и строительной индустрии. Но все же значительную и наиболее заметную категорию мигрантов из Китая составили лица, специализирующиеся на трансграничной торговле. На фронтальных территориях возникли крупные торговые китайские рынки. Одним из первых городов, где китайские мигранты организовали бойкую торговлю, был Благовещенск. В Уссурийске приезжие китайцы создали огромный рынок с развитой обслуживающей системой, здесь находились общежитие для мигрантов-торговцев, точки питания с китайской кухней и даже отделение банка. Во Владивостоке сначала появилась торговая улица, а затем возник рынок на «Спортивной».

В условиях растущей безработицы, разрушения военных городков население приграничных городов и сел приобретало навыки новой профессии. Бывшие учителя, медицинские работники, рабочие инженеры пополняли ряды торговцев. В повседневности приграничья возникли новые термины, характеризующие социально-культурные изменения в дальневосточном фронтире. Например, вошли в обиход термины «кирпичи» и «челноки» для обозначения людей, занятых в сфере трансграничной торговли.

Экономические отношения между торговцами и населением не просто становятся одной из форм социальных контактов в приграничных городах и населенных пунктах, но и срастаются с социальными реалиями последствий реформ. Таким образом, миграция из КНР сформировала новую черту дальневосточного фронта и стимулировала создание нового микросоциума на Дальнем Востоке России. Оптовый рынок становился не только местом встречи разных социальных практик, пришедших из КНР, Азербайджана, Армении, но и формой выживания населения.

Попытка властей в 1992 г. предоставить льготу Дальнему Востоку в виде возможности оставлять на территории часть валютной выручки от экспорта товаров в виде региональных квот и зачисления её в бюджеты не дала ожидаемого результата, как, впрочем, и другие инициативы по Дальнему Востоку. Полностью было выполнено лишь одно обещание Ельцина – 1 января 1992 г.: Владивосток стал открытым городом (Указ Президента РСФСР «Об открытии г. Владивостока для посещения иностранными гражданами», 1991).

Переход к экономике рыночного типа заметно повысил роль приграничных территорий с высокой долей ресурсодобывающей промышленности. С началом осуществления экономической реформы внешняя торговля Дальнего Востока получила импульс интенсивного роста, что предопределило вектор изменений в дальневосточном фронтире. Если в дореформенный

период среднегодовые темпы роста экспорта составляли порядка 5%, то в пореформенный период превышали 17%. При этом, по мере продвижения реформы, внешняя торговля приобретала особое значение. Такие события государственного масштаба, как принятие Российской Федерации в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее АТЭС) в 1997 г., позволили подписать крупные контракты в военно-технической области с Индонезией, Индией, КНР и Вьетнамом. Однако экономика России явно не отвечала критериям членства в этой организации – на торговлю со странами АТР приходилось лишь 9,6% ее товарооборота, а доля России в суммарном объеме внешней торговли стран АТР была меньше 1%.

Переход России к рыночным отношениям привел к тому, что на её восточной периферии встретились разные системы предпринимательства: России-Китая, России-Японии, России-Южной Кореи и даже России и КНДР. Дальневосточное предпринимательство первоначально развивалось в сырьевых отраслях, например, в рыбной и лесной. Это способствовало развитию теневого сектора. Остальные отрасли экономики и социальная сфера находились в глубокой депрессии, приводя к массовому оттоку населения.

Становление предпринимательства на Дальнем Востоке в новых условиях столкнулось с необходимостью встраиваться в социокультурную среду соседних стран АТР. Однако новая бизнес-среда Дальнего Востока далеко не сразу сумела усвоить зарубежные этические стандарты деловых отношений. Наибольшие трудности заключались в различном понимании ответственности. В этом отношении предприниматели Дальнего Востока зачастую не проявляли деликатности, тем самым отталкивая своих зарубежных коллег и формируя негативной имидж региона и всей России в глазах потенциальных партнеров и инвесторов (Моисеева, 2008, с. 433).

Вместе с тем геополитический фактор стал решающим для принятия специальных мер государственной поддержки ряда пограничных территорий, в частности курильских районов, попыткой придать статус особой экономической зоны и декларации федеральной программы развития Курильских островов. Е.Н. Чернолуцкая, исследуя этот процесс, пришла к выводу, что условиях кризиса, криминальной приватизации, теневой экономики, несовершенства законодательства эти меры были реализованы лишь в малой степени и не обеспечили достижения поставленных целей. Тем не менее, они были единственными источниками получения некоторых преференций и бюджетных вливаний, которые помогали районам выживать, а рыбной отрасли подниматься (Чернолуцкая, 2020а, с. 175), то есть сохранить самые минимальные условия жизни.

Зарождение новых черт Дальневосточного фронта

Специфика исторического момента трансформации дальневосточного фронта состояла в том, что некоторые процессы были активизированы КНР, и Россия пыталась дать на них свой ответ. Площадкой контактов разных хозяйственных систем в конце XX в. становились международные транспортные коридоры. Надежды на получение нового импульса в развитии Дальнего Востока России связывались с участием транспортной системы региона в осуществление транзитных перевозок.

Для Китая интерес представляли не только крупнейшие Тихоокеанские порты России – Владивосток, Находка и Порт Восточный, но также и относительно небольшие порты Хасанского района: Зарубино, Посыет и Славянка. Их новой функцией должно было стать обеспечение транзита китайских товаров из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь к Японскому морю.

Инициативы формирования международных транспортных коридоров в евразийском пространстве относятся еще к 1980-1990 гг. В Северо-Восточной Азии идею МТК очень активно продвигали политики и ученые из КНР. Первоначально осуществление этой идеи продвигалась медленно. Так, строительство железнодорожных соединительных отрезков для сцепки китайских и российских железных дорог с выходом к портам Хасанского района, начавшееся в 1992 г., завершилось лишь в конце 1999 г., причём запоздание произошло по вине российской стороны.

На фоне противоречивой государственной политики в деле обновления приграничной инфраструктуры на маршрутах международных транспортных коридоров представляет интерес недолгий, но яркий эпизод реализации частной инициативы в области межгосударственного транспортного сообщения. В роли инициатора модернизации железнодорожного сообщения в южном Приморье выступила частная железнодорожная компания ОАО «Золотое звено», созданная 3 июня 1992 г. для строительства и эксплуатации российско-китайского участка железной дороги между станциями Камышовая Хасанского района и Хуньчунь китайской провинции Цзилинь. Большая часть акций «Золотого звена» изначально была размещена среди железнодорожников. В июле 1994 г. было получено согласие российских властей на строительство дороги и открытие железнодорожного перехода Махалино-Хуньчунь для грузового и пассажирского сообщения. Администрация Приморского края по согласованию с заинтересованными министерствами, ведомствами и организациями обеспечила проектирование и строительство, благодаря чему строительство первой частной железной дороги в постсоветской России завершилось относительно быстро, и в 2001 г. были начаты перевозки. Однако, как показала практика, первоначальный оптимизм акционеров был не совсем оправдан. Деятельность компании оказалась убыточной и была омрачена конфликтом интересов акционеров и руководства ОАО «РЖД». В итоге желез-

нодорожный монополист одержал победу и поглотил «Золотое звено» (Ващук, 2017, с. 42).

Правительство Китая в 1992 г. официально включило зону «Туманган» в долгосрочный план экономического развития до 2010 г., предоставив ей статус наибольшего благоприятствования. Определенный интерес к проекту со стороны некоторых российских политиков и хозяйственников обозначился также в Приморье (Бурлаков, 2007, с. 130). Но по разным причинам проект «Туманган» был закрыт. В 1995 г. российская политическая элита определила свое участие в проекте «Программа по развитию района реки Туманная». С 2005 г. он стал называться «Расширенная Туманганская инициатива (РТИ)».

Дальнейшее развитие событий показало, что эти начинания подогревали интерес приморской элиты к идее МТК (Ващук, 2016, сс. 17–19). 15 июня 1999 г. во Владивостоке прошла встреча экспертов в рамках концепции «Транспортный коридор с Востока на Запад» (Бурлаков, 2007, с. 214).

Поиск новой модели экономического развития Дальневосточного фронта во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. привел к появлению проектов создания на Дальнем Востоке свободных экономических зон (СЭЗ). В новых условиях именно они должны были стать эффективным механизмом привлечения иностранных инвестиций и внедрения рыночных принципов в экономике региона (Воронцов, 2018, с. 31–32). На территории Дальнего Востока и Забайкалья были созданы четыре свободные экономические зоны: «Находка» (Приморский край), «Сахалин», «Даурия» (Читинская область) и «Ева» (Еврейская автономная область) (Уваров, 1994, с. 11). При этом СЭЗ «Даурия» и «Ева» располагались на территориях, непосредственно примыкающих к северо-восточным провинциям КНР и были рассчитаны на трансграничное экономическое сотрудничество. Наилучшие перспективы связывались с открытием СЭЗ «Находка», созданной на территории города Находки с его развитой промышленностью, портовой и транспортной инфраструктурой, и соседнего Партизанского района.

Активная стадия реализации проекта СЭЗ первого поколения вскоре была приостановлена в связи с межведомственными разногласиями по поводу необходимости их существования, отсутствием надлежащей законодательной базы, слабой финансовой поддержкой из федерального бюджета, а также снижением интереса иностранных инвесторов. В конце концов проводимая в общероссийском масштабе либеральная экономическая политика в начале 1990-х гг. свела на нет большинство ожидаемых выгод от режима свободной зоны (Иванов & Кожевникова, 2019, с. 168).

В 1990-е гг. в условиях слабости Центра местные власти Приморского края обладали значительными полномочиями для ведения международной деятельности, но они ещё не были готовы к ней. По Конституции 1993 г., международное сотрудничество и внешнеэкономические связи в России были отнесены к сфере совместных полномочий центрального и региональных

субъектов власти, но четкого разделения обязанностей не существовало. Кроме того, в Приморье складывалась специфическая ситуация: власть в большинстве случаев с помощью протекционистских мер стремилась сохранить сложившийся в регионе бизнес вместо работы с иностранными инвесторами и развития внешней торговли (Моисеева & Вашук, 2006, с. 263-314).

С приходом в Приморье нового губернатора С.М. Дарькина линия на приграничное сотрудничество с КНР усилилась. Однако в сфере интеграции в международно-транспортную систему коренных изменений не произошло, и здесь вновь на передний план вышел политический фактор: с начала 2000-х гг. в России начался процесс политической централизации. С одной стороны, укрепление вертикали власти снизило желание региональной элиты использовать проблемы политического диалога России со странами Северной Пацифики в популистских целях; в дальнейшем они уже не высказывались (Ларин, 2006, с. 263-265). Но с другой стороны, российское законодательство сужало полномочия и ресурсы исполнительной власти субъектов РФ. Формальным рубежом определения полномочий российских субъектов федерации стал 1999 г., когда был принят закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Он юридически исключил возможность для субъектов федерации проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику и фактически перераспределил полномочия в этой сфере в пользу Центра.

В то же самое время в идеологии оформления МТК происходили важные изменения, которые расширяли формальные основания участия России в РТИ. В 2000 г. международная команда специалистов России, Китая, Монголии, Южной Кореи и Японии под руководством института ERINA (Япония) сформулировала Концепцию коридоров Северо-Восточной Азии. В 2002 г. идею МТК также одобрили на Экономическом форуме стран СВА в Ниигате. С этого момента, пожалуй, можно говорить о признании роли территории края как площадки МТК, включая ее части – «Приморье-1» (Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково – порты Владивосток, Находка, Восточный – порты АТР) и «Приморье-2» (Чанчунь – Цзилинь – Хуньчунь – Махалино – Посьет – Зарубино – порты АТР). (Холоша, 2010, с. 40-43). В ноябре 2002 г. прошли первые консультации между правлением ОАО «Морской порт Зарубино» и Канцелией развития района «Туманган» администрации провинции Цзилинь.

Таким образом, политика усиления Центра в управлении дальневосточными территориями, с одной стороны, придавала значение Приморью в российском пространстве как национальной контактной площадке, но с другой – увеличивала патерналистские настроения у руководства Приморья, что и проявилось в годы подготовки Саммита АТЕС 2012 г. во Владивостоке. В целом активность России в этом направлении международного сотрудничества оказалась до 2010 г. невысокой, ее позицию можно охарактеризовать в качестве тактики намерений, обсуждений, консультаций и опреде-

лить ее содержание как бюрократическое. Усиление бюрократии в 1990-е гг. в формировании дальневосточного фронта становилось его доминирующей чертой.

Выводы

Таким образом, в конце XX в. коренные изменения в содержании дальневосточного фронта происходили под доминирующим влиянием трансформационного кризиса в России. Основная фронтирная черта, формировавшаяся в российском и советском цивилизационном комплексе на протяжении XIX – XX вв., «дальневосточная территория как военный форпост государства» в традиционном формате – фактически разрушилась в течение 10 лет. В результате подписанных российско-китайских соглашений и других внешнеполитических документов, снявших с повестки дня угрозу военного столкновения, а также сокращения вооружённых сил в приграничье, военное присутствие России на Дальнем Востоке заметно снизилось, а вместе с ним подверглась пересмотру и роль региона как «территории-крепости».

Значительная часть территории, которая была обустроена в приграничье в формате военных городков, располагавших всей необходимой инфраструктурой для проживания людей, но не имевших рядом объектов, обеспечивавших трудовую занятость, постепенно пришла в запустение. Это отразилось и на повседневной жизни, особенно сельского населения, проживавшего рядом с военными гарнизонами. Сокращение численности военнослужащих на Дальнем Востоке меняло облик дальневосточного фронта. Конверсия и рыночные реформы также привели к изменению в городах, в частности, к быстрой деградации материальной и социальной инфраструктуры в тех местах, где в 1990-е гг. предприятия ВПК были градообразующими. Вхождение института Вооружённых сил РФ и предприятий ВПК в рыночную среду имело для дальневосточного фронта неоднозначное значение: оно «открывало клапан» для внедрения новых инструментов развития приграничья, но на практике происходило чаще в обратном, деструктивном направлении. Резкое снижение военной составляющей в дальневосточном приграничье породило разнонаправленную социальную динамику.

Проведённый исторический анализ показал, что доминирующую роль в изменении содержания дальневосточного фронта сыграл политический фактор, как на уровне региональной политики, так и на уровне первых попыток компенсировать снижение «военной составляющей» новыми модернизационными проектами. В реальности на характере дальневосточного фронта также сказались и моменты самоорганизации, что прослеживалось в процессе адаптации дальневосточников к рыночным отношениям. Торговля в разных формах с приграничными территориями КНР, создание российских компании

типа рантье благодаря ресурсам территории превращали приграничье в разновидность торговой фактории.

В эти годы в регионе встретились не только разные потоки рабочей силы со своей трудовой культурой, но и разные формы организации предприятий. Первые попытки организовать МТК, СЭЗ и совместные предприятия способствовали генезису новых черт дальневосточных территорий. Новые формы развития приграничья и соразвития со странами АТР в 1990-е гг. с трудом реализовывались, но, тем не менее, отдельные их результаты начинали преобразовать содержание дальневосточного фронта.

Список литературы

- Агеев, А. Д. (2005). *Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров*. Аспект пресс.
- Бережной, С. С. (1995). Советский ВМФ 1945-1995: Крейсера, большие противолодочные корабли, эсминцы. *Морская коллекция*, 1, 1-32.
- Бостан, К. А., & Кузнецов, А. М. (2018). Идея «фронтира»: Выгодное приобретение или опасный «фантом»? *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 1, 73-84.
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/73-84>
- Бурлаков, В. А. (2007). *Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е гг. XX века*. Издательство ВГУЭС.
- Вашук, А. С. (1993). *Материалы экспедиции Отдела социально-политических исследований*. 1993. *Дневник*. Архив ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН.
- Вашук, А. С. (1997). Социально-политические аспекты Дальневосточного региона (середина 80-х – начало 90-х годов). *Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции*, 102-107.
- Вашук, А. С. (2015). Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: Исследовательский опыт. *Диалог со временем*, 52, 303-322.
- Вашук, А. С. (2016). Международный транспортный коридор «Приморье-2»: Идеи, проекты, реалии в русле «Тихоокеанского разворота». *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 3.
- Вашук, А. С. (2017). Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX - начале XXI вв. *Региональные проблемы*, 20(3), 39-49.
- Вашук, А. С. (2019). Дальневосточный вектор России в контексте диалога власти и научного сообщества (XX в. И современность). *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, 22, 9-29. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10002>
- Вашук, А. С. (2020). Северо-Восток России: Региональная политика и поиски выхода из кризиса (1990-е годы – начало XXI в.). *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X международной научно-практической конференции*, 37-45.
<https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.39.82.004>
- Вашук, А. С., Друзяка, А. В., Чернолуцкая, Е. Н., Галлямова, Л. И., Ермак, Г. Г., Крушанова, Л. А., Авдеев, Ю. А., & Ушакова, В. Л. (2014). *Исторические проблемы социально-политической*

- безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Книга 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. ИИАЭ ДВО РАН.
- Ващук, А. С., Савченко, А. Е., Ковалевская, Ю. Н., Крушанова, Л. А., Галенко, Е. В., Герасименко, А. П., Коваленко, С. Г., & Коняхина, А. П. (2014). *Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Книга 1. Дальневосточная политика: Стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации.* ИИАЭ ДВО РАН.
- Воронцов, Н. С. (2018). Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: Исторический очерк. *Россия и АТР*, 3, 31–44. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-10032>
- Гарусова, Л. Н. (2001). Тихоокеанская политика США в 80 – 90-е годы XX в.: Американские экономические и военно-политические интересы в АТР. *Россия и АТР*, 4, 62–73.
- Гранберг, А. Г. (2009). Становление в России научного направления «Пространственная экономика». *Вестник Университета*, 26–2, 18–24.
- Гудкова, Е. В. (1999). Проблемы конверсии оборонной промышленности российского Дальнего Востока. В *Перспективы Дальневосточного региона: Население, миграция, рынок труда* (с. 73–76). Московский Центр Карнеги.
- Дятлов, В. В. (2006). *Дальневосточный военный округ в условиях военной реформы: 1986–2003 гг.* [Диссертация на соискание степени доктора исторических наук]. Комсомольский-на-Амуре государственного технического университета.
- Ельцин, Б. Н. (1999). *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох».* Интеллектуальная Россия. <http://www.intelros.org/lib/elzin/1999.htm>
- Заблоцкий, В. П. (2004). Тяжёлые авианесущие крейсера «Минск», «Новороссийск», «Баку». *Морская коллекция*, 4, 1–32.
- Зиланов, В. К. (1997). А после Аляски еще одна клякса. *Российская газета*, 14, 3.
- Иванов, С. А., & Кожевникова, П. А. (2019). Особые экономические зоны Дальнего Востока России: Децентрализованная и централизованная модели управления. *Труды ИИАЭ ДВО РАН*, 24, 161–176. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10034>
- Казанин, М. В. (2008). Россия и Китай: Соглашения в военной области. В *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения)* (с. 386–393). Дальнаука.
- Каракин, В. П. (2014). Дальний Восток России – обретение границ, имени и специфики в «проблемном поле» страны. *Вестник ДВО РАН*, 5, 118–131.
- Колесниченко, К. Ю. (2012). Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 3, 116–125.
- Колесниченко, К. Ю. (2013). Военная авиация в Приморье в 1980-е – 2000-е годы: Военно-политический и социальный аспекты. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 3, 95–105.
- Костров, А. В., & Скрипучий, Д. В. (2014). Нарращивание военного потенциала СССР на границе с КНР – импульс к развитию дальневосточных территорий. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, 2, 255–261.

- Крупенкин, Е. Н. (2018). Концепция фронта в современной отечественной литературе: Эвристические возможности и пределы применения. *Вестник Брянского Государственного Университета*, 2(1), 87–93. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93>
- Ларин, В. Л. (2006). *В тени проснувшегося дракона Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков*. Дальнаука.
- Лу Сяоин. (2017). Российско-китайское сотрудничество в военной сфере: Исторический опыт 1992-1996 гг. *Современная научная мысль*, 6, 112–117.
- Моисеева, Л. А. (2008). Культура предпринимательства как социальная проблема тихоокеанской России и стран АТР (рубеж XX – XXI вв.). В *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения)* (с. 430–440). Дальнаука.
- Моисеева, Л. А., & Вашук, А. С. (2006). *История предпринимательства на Дальнем Востоке России (конец XX – начало XXI в.)*. Дальнаука.
- Мордванюк, П. А. (2000, октябрь 23). *Мы же не просили вашего Беринга нас открывать. Репортаж из штата Чукотка*. Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2000/10/23/7921-my-zhe-ne-prosili-vashego-beringa-nas-otkryvat>
- Николаевич, С. В. (2020). Совершенствование инфраструктуры Тихоокеанского флота СССР (1960 – 1980-е гг.). *Наука. Общество. Оборона*, 8(4). <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10258>
- Номоконов, В. А. (2002). *Транснациональная организованная преступность: Дефиниции и реальность*. Издательство ДВГУ.
- Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5)*. (2018). Дальнаука.
- Половинкин, В. Н., & Фомичев, А. Б. (2012). *Мировой океан и обеспечение национальной безопасности России в XXI веке*. АИР.
- Половинкин, В. Н., Фомичев, А. Б., & Чирков, В. В. (2013). *Военно-морской флот и геополитика*. АИР.
- Половинкин, В. Н., Фомичев, А. Б., & Чирков, В. В. (2017). *Отечественное кораблестроение*. АИР.
- Постников, С. И. (2004). *В далеких гарнизонах*. Милитера. Военная литература. http://militera.lib.ru/memo/russian/postnikov_si/11.html
- Савченко, А. Е. (2018). В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX – начале XXI века. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 10(3/1), 104–113. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-104-113>
- Сидоров, С. А. (2014). *Политика России по обеспечению национальной безопасности в пограничном пространстве Дальнего Востока в конце XX – начале XXI вв.* [Диссертация на соискание степени доктора политических наук]. Тихоокеанский государственный университет.
- Ткаченко, Б. И. (1997). Правовые проблемы соглашения между СССР и КНР об изменении линии советско-китайской государственной границы на её восточной части. *Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции*, 204–210.

- Ткаченко, Б. И. (2008). *Проблемы морской экономической границы между Россией и США*. Морской государственный университет.
- Уваров, В. А. (1994). *Свободные экономические зоны Востока России*. Информ-Этнос.
- Указ Президента РСФСР «Об открытии г. Владивостока для посещения иностранными гражданами», №. 123. (1991). *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ*, 39, 1244.
- Феськов, В. И., Голиков, В. И., Калашников, К. А., & Слугин, С. А. (2013). *Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: От Красной Армии к Советской*. Издательство научно-технической литературы.
- Филонов, А. М. (1999). Пограничная политика России в Дальневосточном регионе. В *Перспективы Дальневосточного региона: Население, миграция, рынок труда* (с. 36–39). Московский Центр Карнеги.
- Холоша, М. (2010). Российский транзит под разными углами зрения. *Морские порты*, 6, 38–44.
- Чернолуцкая, Е. Н. (2018). Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990–е гг. *Архонт*, 3, 103–114.
- Чернолуцкая, Е. Н. (2020a). Курилы в 1990–е гг.: Рыночные реформы и «пограничный вопрос». *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, 27, 162–178. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027>
- Чернолуцкая, Е. Н. (2020b). Федеральная целевая Курильская программа: Хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.). *Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект*, 103–119. <https://doi.org/10.24411/9999-056A-2020-10010>
- Штыров, В. А. (2020). *Государственная программа по развитию Дальнего Востока исчезла...* <http://vestiregion.ru/2020/08/11/vyacheslav-shtyrov-gosudarstvennaya-programma-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-ischezla/>

References

- Ageev, A. D. (2005). *Siberia and the American West: Moving Frontiers*. Press Aspect. (In Russian).
- Berezhnuy, S. S. (1995). Soviet Navy 1945–1995: Cruisers, large anti-submarine ships, destroyers. *Maritime Collection*, 1, 1–32. (In Russian).
- Bostan, K. A., & Kuznetsov, A. M. (2018). The idea of the “frontier”: A profitable acquisition or a dangerous “phantom”? *Oikumena. Regional Studies*, 1, 73–84. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/73-84> (In Russian).
- Burlakov, V. A. (2007). *The Tumangan Project and the Game of Geopolitical Interests in Northeast Asia in the 1990s*. VGUES Publishing House.. (In Russian).
- Chernolutskaia, E. N. (2018). Anglophone Historiography on the State of the Military Sphere in the Russian Far East in the 1990s. *Archonte*, 3, 103–114. (In Russian).
- Chernolutskaia, E. N. (2020a). The Kurils in the 1990s: Market Reforms and the “Border Question”. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the FEB RAS*, 27, 162–178. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027> (In Russian).

- Chernolutskaia, E. N. (2020b). The Federal Targeted Kuril Program: Chronicle, Achievements and Failures of the First Phase (1994–2005). *Reforms of the late 20th and early 21st centuries in the post-Soviet space: the regional aspect*, 103–119. <https://doi.org/10.24411/9999-056A-2020-10010> (In Russian).
- Decree of the President of the RSFSR “On opening the city of Vladivostok to foreign citizens”, no. 123. (1991). *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*, 39, 1244. (In Russian).
- Dyatlov, V. V. (2006). *The Far Eastern Military District in the Context of the Military Reform: 1986–2003*. [Doctoral Thesis]. Komsomolsk-on-Amur State Technical University. (In Russian).
- Feskov, V. I., Golikov, V. I., Kalashnikov, K. A., & Slugin, S. A. (2013). *Soviet Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet Army*. Publisher of Scientific and Technical Literature. (In Russian).
- Filonov, A. M. (1999). Russia's Border Policy in the Far Eastern Region. In *Prospects for the Far Eastern Region: Population, Migration, Labor Market* (pp. 36–39). Moscow Carnegie Center. (In Russian).
- Garusova, L.N. (2001). U.S. Pacific Policy in the 1980s and 1990s: U.S. Economic and Military–Political Interests in the Asia-Pacific Region. *Russia and the APR*, 4, 62–73. (In Russian).
- Granberg, A. G. (2009). Formation in Russia of the scientific direction “Spatial economy”. *University Bulletin*, 26–2, 18–24. (In Russian).
- Gudkova, E. V. (1999). Problems of Defense Industry Conversion in the Russian Far East. In *Prospects for the Far Eastern Region: Population, Migration, Labor Market* (pp. 73–76). Moscow Carnegie Center. (In Russian).
- Holosha, M. (2010). Russian Transit from Different Perspectives. *Seaports*, 6, 38–44. (In Russian).
- Ivanov, S. A., & Kozhevnikova, P. A. (2019). Special Economic Zones in the Russian Far East: Decentralized and Centralized Management Models. *Proceedings of the IIAE FEB RAS*, 24, 161–176. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10034> (In Russian).
- Karakin, V. P. (2014). The Russian Far East – Acquiring Borders, Name, and Specificity in the “Problematic Field” of the Country. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 5, 118–131. (In Russian).
- Kazanin, M. V. (2008). Russia and China: Agreements in the Military Field. In *Pacific Russia in the History of Russian and East Asian Civilizations (Fifth Krushanov Readings)* (pp. 386–393). Dalnauka. (In Russian).
- Kolesnichenko, K. Yu. (2012). The Military Factor in the Development of the Russian Far East (on the Example of Primorsky Krai). *Oikumena. Regional Studies*, 3, 116–125. (In Russian).
- Kolesnichenko, K. Yu. (2013). Military Aviation in Primorye in the 1980s and 2000s: Military and Political and Social Aspects. *Oikumena. Regional Studies*, 3, 95–105. (In Russian).
- Kostrov, A. V., & Skripuchii, D. V. (2014). Soviet Military Capacity Building on the Border with the PRC: An Impetus for the Development of the Far Eastern Territories. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 2, 255–261. (In Russian).
- Krupenkin, E. N. (2018). The Concept of the Frontier in Modern Russian Literature: Heuristic Possibilities and Limits of Application. *Bulletin of Bryansk State University*, 2(1), 87–93. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93> (In Russian).

- Larin, V. L. (2006). *In the Shadow of the Waking Dragon: Russian-Chinese Relations at the Turn of the 20th and 21st Centuries*. Dalnauka. (In Russian).
- Lu Xiaoying. (2017). Russian-Chinese Cooperation in the Military Sphere: Historical Experience of 1992-1996. *Contemporary Scientific Thought*, 6, 112-117. (In Russian).
- Moiseeva, L.A. & Vashchuk, A. S. (2006). *History of Entrepreneurship in the Far East of Russia (late twentieth – early twenty-first century)*. Dalnauka. (In Russian).
- Moiseeva, L.A. (2008). The Culture of Entrepreneurship as a Social Problem in Pacific Russia and the APR Countries (Turn of the 20th – 21st Centuries). In *Pacific Russia in the History of Russian and East Asian Civilizations (Fifth Krushanov Readings)* (pp. 430-440). Dalnauka. (In Russian).
- Mordvanyuk, P.A. (2000, October 23). *It's not like we asked your Bering to open us up. Report from Chukotka State*. Novaya Gazeta. <https://novayagazeta.ru/articles/2000/10/23/7921-my-zhe-ne-prosili-vashego-beringa-nas-otkryvat> (In Russian).
- Nikolayevich, S. V. (2020). Improvement of the infrastructure of the USSR Pacific Fleet (1960s-1980s). *Science. Society. Defense*, 8(4). <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10258> (In Russian).
- Nomokonov, V. A. (2002). *Transnational Organized Crime: Definitions and Reality*. FEFU Publishers. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., & Fomichev, A. B. (2012). *World Ocean and National Security of Russia in the 21st Century*. AIR. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., Fomichev, A. B., & Chirkov, V. V. (2013). *The Navy and Geopolitics*. AIR. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., Fomichev, A. B., & Chirkov, V. V. (2017). *Domestic shipbuilding*. AIR. (In Russian).
- Postnikov, S. I. (2004). *In distant garrisons*. Militera. Military Literature. http://militera.lib.ru/memo/russian/postnikov_si/11.html (In Russian).
- Savchenko, A. E. (2018). In searching for the key. The Programmatic Approach to the Development of the Far East in the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries. *Historical and Socio-Educational Thought*, 10(3/1), 104-113. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-104-113> (In Russian).
- Shtyrov, V. A. (2020). *The state program for the development of the Far East has disappeared...* <http://vestiregion.ru/2020/08/11/vyacheslav-shtyrov-gosudarstvennaya-programma-porazvitiyu-dalnego-vostoka-ischezla/> (In Russian).
- Sidorov, S. A. (2014). *Russia's National Security Policy in the Border Area of the Far East in the Late 20th – Early 21st Centuries*. [Doctoral Thesis]. Pacific State University. (In Russian).
- Society and Power in the Russian Far East in 1960-1991 (History of the Russian Far East. Vol. 3. Kn. 5)*. (2018). Dalnauka. (In Russian).
- Tkachenko, B. I. (1997). Legal Problems of the Agreement between the USSR and the PRC on the Change of the Line of the Soviet-Chinese State Border on its Eastern Part. *The Russian Far East in the Context of World History: From Past to Future. Proceedings of the International Scientific Conference*, 204-210. (In Russian).
- Tkachenko, B. I. (2008). *Problems of the maritime economic border between Russia and the United States*. Maritime State University. (In Russian).
- Uvarov, V. A. (1994). *Free Economic Zones in the East of Russia*. Inform-Ethnos. (In Russian).

- Vashchuk, A. S. (1993). *Proceedings of the Expedition of the Department of Social and Political Studies. 1993. Diary*. Archives of OSPI IIAE FEB RAS. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (1997). Social and Political Aspects of the Far Eastern Region (mid-1980s to early 1990s). *The Russian Far East in the Context of World History: From the Past to the Future. Materials of the International Scientific Conference*, 102–107. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2015). The Fate of the Far East or the Region's Contribution to Russia's Development: A Research Experience. *Dialogue with Time*, 52, 303–322. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2016). Primorye-2 International Transport Corridor: Ideas, Projects, Realities in the Pacific U-turn. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 3. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2017). Development of Entrepreneurship in the Railway Transport and Port Industry of Khasansky District of Primorsky Krai at the End of 20th – the Beginning of 21st Centuries. *Regional problems*, 20(3), 39–49. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2019). The Far Eastern Vector of Russia in the Context of Dialogue between Authorities and the Academic Community (20th Century and Present). *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the FEB RAS*, 22, 9–29. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10002> (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2020). The North-East of Russia: Regional Policy and the Search for a Way out of the Crisis (1990s – beginning of the 21st century). *Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference*, 37–45. <https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.39.82.004> (In Russian).
- Vashchuk, A. S., Druzyaka, A. V., Chernolutsкая, E. N., Galliamova, L. I., Ermak, G. G., Krushanova, L. A., Avdeev, Y. A., & Ushakova, V. L. (2014). *Historical Problems of Socio-Political Security in the Russian Far East (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)*. Book 2. *Migration Challenges and Strategies of Social and Political Security of the Far Eastern Territories*. IIAE DVO RAN. (In Russian).
- Vashchuk, A. S., Savchenko, A. E., Kovalevskaya, Y. N., Krushanova, L. A., Galenko, E. V., Gerashenko, A. P., Kovalenko, S. G., & Konyakhina, A. P. (2014). *Historical Problems of Socio-Political Security in the Russian Far East (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)*. Book 1. *Far Eastern Politics: Strategies of Socio-Political Security and Mechanisms of Implementation*. IIAE DVO RAN. (In Russian).
- Vorontsov, N. S. (2018). Unrealized Projects of Free Economic Zones in Primorye: Historical Sketch. *Russia and the APR*, 3, 31–44. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-10032> (In Russian).
- Yeltsin, B.N. (1999). *Russian President Boris Yeltsin's Address to the Federal Assembly of the Russian Federation: "Russia at the Turn of an Epoch"*. Intellectual Russia. <http://www.intelros.org/lib/elzin/1999.htm> (In Russian).
- Zablotsky, V. P. (2004). Heavy aircraft carrier cruisers “Minsk”, “Novorossiysk”, “Baku”. *Nautical Collection*, 4, 1–32. (In Russian).
- Zilanov, V. K. (1997). And after Alaska, another blot. *Rossiyskaya Gazeta*, 14, 3. (In Russian).